

НЕУТОМИМЫЙ РАТОБОРЕЦ СЛОВА

Владимир Алексеевич Чивилихин родился 7 марта 1928 года в Кузбассе в семье железнодорожника, в станционном городке Мариинск. Чивилихинский домик, мизерных размеров, сохранился и поныне. Он стал основой для замечательного музейного комплекса. Непременно отсюда начинаются все празднества, получившие названия Чивилихинские чтения. Сюда стекаются писатели, журналисты и общественные деятели из Кемеровской области и гости из всей России. Центральная городская библиотека Мариинска носит имя писателя и тоже немало делает в плане сохранения и популяризации его наследия.

Через год после рождения Владимира семья переезжает в соседний городок Тайга, где прошли его детство и юность. Здесь он начал свой трудовой путь рабочим депо, здесь учился и окончил железнодорожный техникум. И в этом городке центральная городская библиотека способствует пропаганде творчества своего земляка.

А в 1946 году его семья переезжает к старшей сестре на Украину, в старинный город Чернигов. Здесь Владимир впервые сталкивается с гениальным произведением русской словесности – «Словом о полку Игореве». Отсюда начинается его живой интерес к русской истории, литературе и православию.

Потом было студенчество в Московском университете, на факультете журналистики, и работа в газетах, включая «Комсомольскую правду». С той поры Владимир Алексеевич в качестве основного принципа взял журналистскую *чистоплотность*. Ему было важно докопаться до истины – за что бы он ни брался.

При уникальной памяти знания писателя становились едва ли не энциклопедическими. Он постоянно почерпывал сведения из литературы, истории, этнографии, живописи, музыки, архитектуры, градостроительства, экологии.

Многогранно развивался и литературный талант – от журналистской очерковости и остросоциальной публицистики до полноценной художественной прозы. Классикой русской литературы советского периода становятся его повести «Ёлки-моталки», «Про Клаву Иванову», «Серебряные рельсы», за которые он получает Премию им. Ленинского комсомола.

А как он ратовал за экологическую чистоту нашей многотрадной природы в пятидесятые–шестидесятые годы! Его имя стоит рядом с Валентином Распутиным. «Кедроград» Владимира Чивилихина – это не только его боль за настоящее, это – послание в будущее!

Владимир Чивилихин органично воплотил в себе *временное триединство*: жил самым настоящим, со всеми его тяготами и проблемами; скрупулёзно, с настойчивостью и дотошностью учёного исследователя (археолога, историка, этнографа, филолога-лингвиста) по крупницам собирал

материалы, восстанавливая историческую справедливость *прошлого*; искренне болел и переживал за *будущее*!

Кумулятивная человеческая *память* – вот основа основ бытия! Именно так – предельно лаконично и в то же время ёмко – он назвал и свой титанический труд – роман-эссе «Память», за который был удостоен Государственной премии СССР.

А с чего начался писатель Чивилихин, точнее было бы спросить, что привело в литературу недавнего выпускника Тайгинского железнодорожного техникума в голодные послевоенные годы? На этот вопрос красноречиво отвечают некоторые фрагменты «Памяти».

«... «Случайно случившийся случай случился» – подобная словесная комбинация, возможно, под силу только нашему чудо-языку, который делает со словами всё, что его душеньке угодно. И вот, если б действительно не этот случай, то не было бы множества встреч и знакомств, что ждут читателя впереди, не повёл бы я его с собой в глубину прошлого, не обратил бы вместе с ним внимания на некоторые страницы русской литературы, истории, русской каменной летописи, то есть не было бы ни строчки из того, что вы тут прочтёте <...>

Мне совсем не стыдно признаться, что в свои восемнадцать лет я не прочёл ещё «Слова». Понимаю, что без знания какого-либо художественного произведения можно благополучно прожить до смертного своего часа, свершить немало полезного для общества, добившись успехов в науке, изобретательстве или, скажем, административной деятельности, но я лично просто не могу себе представить, как бы сложилась моя жизнь, если б я не познакомился со «Словом о полку Игореве», этим бесценным и бессмертным памятником родной литературы, заколдовавшим меня вдруг и навсегда <...>

Однажды на прилавке жалкого местного книжного магазинчика жадно схватил «Слово о полку Игореве» в довоенном издании с обширными комментариями. Много раз вечерами перечитывал у печки уже знакомые фразы, полные какого-то необъяснимого внутреннего напряжения и таинственного колдовского смысла. Снова и снова окидывало то холодом, то жаром и даже самокатную слезу временами выжимало. Какие слова встречались, не замечаемые прежде, как необыкновенно были они составлены! «Трепещут синие молнии». Белая молния в чёрном небе слепит глаза, и ясно видишь мгновенно трепещущий синий зигзаг! Днепр Славутич не «качал лодки», а «*лелеял насады*». «Насады» – это речные суда с надставленными бортами, и Днепр любовно, бережно зыбил их, *лелеял*, как детей качают русские матери в люльках и зыбках. Или вот «тёплые мглы», что «одевали» князя Игоря, бежавшего из плена. Туманные летние ночи действительно тёплые, и они укрывали, грели героя поэмы, *одевая* его.

А вот несколько исполненных глубокой печали слов, с удивительной живописной силой заменяющих одно: «*в одиночестве изронил он жемчужную душу – из храброго тела через золотое ожерелье*».

А как прекрасно, кратко и необычно – через поведение птиц – описан рассветный час перед битвой князя Игоря!

159

«Щёкот соловьиный уснул...» Надо же – не смолкло соловьиное пенье, а щёкот «уснул», уснул! Одно лишь слово – и пред нами вся картина раннего дремотного утра. И дальше – «говор галок пробудился». *Говор!* Следом же: «Русичи великие поля червлёными щитами перегородили, ища себе чести, а князю славы». Как быстро всё переменялось – уж подняты мечи, взяты наперевес пики... Поэма заряжена kloкочущей внутренней энергией.

А птиц-то в поэме, птиц! В мою жизнь птицы вошли с детства. Водил голубей, ловил и держал в клетках щеглов, чечёток, синиц и снегирей, строил скворечни для первых весенних певцов, ловил в петли рябчиков, видел в тайге глухарей, любил слушать и провожать взглядом улетающие на юг журавлиные станицы, а под крышей нашего дома всегда селились воробьи и ласточки.

И ещё зорил дроздины гнёзда. Не из баловства, но по нужде. Оголодавшая за зиму тайгинская ребятня убежала по первым проталинам в лес и набрасывалась на всё, что можно было есть, – уминали в невероятных количествах черемшу, корешки кандыка, стебли медунки, луковичи саранки. Мы жевали еловую серу, слизывали с травинок муравьиную кислоту и зорили дроздов, что огромными крикливыми колониями селились в заболоченных ельниках. Обирали яйца, варили на кострах в консервных банках и ели.

Вспомнил я двенадцать птиц моего детства, но в «Слове о полку Игореве» ни одна из них не называлась. Там было двенадцать других птиц – соколы, орлы, лебеди, соловьи, галки, гуси, гоголи, чаицы, черняди, вороны, сороки, дятлы. Эти последние долбят большие вершины и сучки, оттягивают на сломе сухую щепочку и дребезжат ею; раньше даже я не знал, как назвать эти звуки, и только в поэме прочёл прекрасное русское звукоподражательное слово – по заросшим оврагам и лесным куртинкам путь к реке князю Игорю указывали своим тектом...

Без птиц «Слово о полку Игореве» было бы совсем другим – настолько много они там места занимают и так туго вплетаются в ткань повествования. Боян, когда хотел песню воспеть, то растекался мысью по древу, воспарял «сирым орлом под облаками». Не просто подыгрывал себе на гуслях, перебирая струны, а «напускал десять соколов на стадо лебедей». Сокол чаще других упоминается в «Слове», и автор, как хороший соколиный охотник, всё знает о нём и его повадках, отличая, например, просто сокола от кречета, охотничьей птицы, бьющей жертву на лету.

Поразительный по точности и силе «птичий» образ навеян гибелью Изяслава, сына Василька, разбитую дружину которого «крылья птиц приодели». Должно быть, автор не раз видел поле брани, на котором трупоядные птицы жадно распускают крылья над своею кровавой пищей.

А ещё в «Слове» упоминается тринадцатая птица – зегзица, с которой сравнивается печальная Ярославна...

И словесная живопись в поэме удивительным образом сочеталась с публицистическими строками, пронзанными любовью к Русской земле, с горькими раздумьями о страданиях родины, с призывами прекратить междоусобные распри и подняться на её защиту. Кто это мог написать? Вот бы докопаться когда-нибудь! Жизни не жалко.

Долгой и лютой зимой, сидя тёмными вечерами в общезитии, я читал и перечитывал «Слово». В памяти отлагались фразы и целые абзацы, что сыграло исключительную роль в моей дальнейшей судьбе...

Писатель Владимир Алексеевич Чивилихин, которому в этом году исполнилось бы 90 лет со дня рождения, был и остался настоящим гражданином своего Отечества и негибимым ратоборцем за истину и справедливость!

Материал подготовил В. АРНАУТОВ

